

## Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIIHЦ (Russia) = 0.207	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 4.102	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

## International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2017 Issue: 12 Volume: 56

Published: 21.12.2017 <http://T-Science.org>

**Mahabat Kenjebek kyzy**  
candidate of juridical science  
professor of department of criminal law  
of Academy of Ministry of Interior Affairs of  
Kyrgyz Republic

### SECTION 32. Jurisprudence.

## TOPICAL ISSUES OF COUNTERING RELIGIOUS EXTREMISM IN PRISONS

**Abstract:** In this article the author made an attempt to disclose the role of agitational activity of preachers of Islamists, directed not only to Muslim convicts or convicts of other religions, but also to search for, recruit and use for illegal purposes employees and employees of the penal system.

**Key words:** religious extremism, counteraction to religious extremism, propaganda of extremism and terrorism in places of imprisonment.

**Language:** Russian

**Citation:** Kenjebek kyzy M (2017) TOPICAL ISSUES OF COUNTERING RELIGIOUS EXTREMISM IN PRISONS. ISJ Theoretical & Applied Science, 12 (56): 45-49.

**Soi:** <http://s-o-i.org/1.1/TAS-12-56-9> **Doi:**  <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2017.12.56.9>

### АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

**Аннотация:** В данной статье автором сделана попытка раскрыть роль агитационной деятельности проповедников исламистов, направленной не только на осужденных-мусульман или осужденных других вероисповеданий, также и на поиск, вербовку и использование в противоправных целях сотрудников и работников уголовно-исполнительной системы.

**Ключевые слова:** религиозный экстремизм, противодействие религиозному экстремизму, пропаганда экстремизма и терроризма в местах лишения свободы.

#### Introduction

В последнее время возникают негативные ситуации, связанные с проявлением религиозной вражды, межконфессиональных конфликтов и проявлением религиозного экстремизма, несмотря на наличие правовых гарантий, призванных содействовать цивилизованному развитию отношений между религиозными организациями и государственными институтами [2, с. 3]. Религия, которая, вроде бы считалась архаической формой культуры, теперь оказалась в центре самых драматических событий современной истории, и ее идеи и сегодня органически вписываются в мироощущение человечества [1, с. 371].

#### Materials and Methods

Бурная миссионерская деятельность проповедников привела к популяризации идеологической доктрины исламистов в начале 90-х этому способствовала также

распространение и тиражирование соответствующей литературы иностранными центрами и фондами.

Позже опираясь на наиболее идеологически подготовленных и непримиримо настроенных местных радикалов, продолжили работу по привлечению в свои ряды adeptов, главным образом из среды молодежи [5, с. 11].

Участники подпольных исламистских ячеек, находятся как на нелегальном так и на легальном положении активно работают над политизацией и социализацией своих учений. Данные лица, тесно взаимодействуют в решении своих политических задач, оказывая друг другу поддержку. Причем категория латентных исламистов представляет пожалуй даже большую проблему потому что таких сложнее выявить, классифицировать и привлечь к ответственности.

Ряд исследователей в том числе и зарубежных полагают, что существенную роль в радикализации ислама сыграли внешние



## Impact Factor:

<b>ISRA (India)</b> = 1.344	<b>SIS (USA)</b> = 0.912	<b>ICV (Poland)</b> = 6.630
<b>ISI (Dubai, UAE)</b> = 0.829	<b>РИИЦ (Russia)</b> = 0.207	<b>PIF (India)</b> = 1.940
<b>GIF (Australia)</b> = 0.564	<b>ESJI (KZ)</b> = 3.860	<b>IBI (India)</b> = 4.260
<b>JIF</b> = 1.500	<b>SJIF (Morocco)</b> = 2.031	

факторы, а именно вмешательство США в политику стран Ближнего Востока. На фоне агрессивной массовой культуры США и их сторонников в страны с традиционным многовековыми национально-культурными и религиозными ценностями совершенно очевиден был силовой ответ этим поползновениям. Совершенно очевидно, то в традиционном понимании этого слова воевать с США никто не будет. Поэтому вольно или невольно в последнее время широкое развитие получил религиозный терроризм [1, с. 374].

Еще в середине XX века Р. Шарль отмечал негативную роль США в данном регионе: «беззащитность американских лавочников, поощряющих туземцев сбросить иго, – все это способствовало развитию националистических настроений, приводящих в некоторых мусульманских странах к взрывам» [4, с. 125].

Применительно к реалиям современности можно отметить, что Америка уже не ограничивает себя в «поощрении туземцев сбросить иго» только лишь мусульманскими странами, а значительно расширили географию своей деятельности, включив в свой перечень и страны Европы. Не пренебрегая при этом попытками силового вмешательства в различные внутренние конфликты, ставшими для США обычным делом; «в сознании миллионов людей на планете Америка все чаще воспринимается не как образец демократии, а как игрок, который делает ставку исключительно на грубую силу, сколачивая под конкретную ситуацию коалиции с лозунгом «кто не с нами – тот против нас» [8].

Религиозному экстремизму противостоит просвещенный традиционный ислам, для которого характерны умеренность, трезвость и толерантность. Ислам, являясь авраамической религией имеет множество схожих черт с христианством или иудаизмом среди которых поддержание и развитие общечеловеческих ценностей, пропаганда доброты толерантности и терпимости. Мусульманская община вносит весомый вклад в развитие межнационального и межрелигиозного диалога, активно взаимодействует с государственными и общественными организациями в делах благотворительности и просвещения, в воспитании подрастающего поколения. Такая плодотворная, многогранная деятельность получает поддержку всего общества, способствует сохранению гражданского мира и согласия в стране [7].

Казалось бы, что религиозная догматика не может пропагандировать насилие, но «объективная реальность говорит о том, что гуманизм реально не является непременным атрибутом любой религии» [1, с. 377]. Это не означает что эти учения жестоки, необходимо

учитывать историческую эпоху и социальную обстановку периода зарождения данных религий, реалии того мира.

В противодействии религиозному экстремизму в пенитенциарной системе современных государств можно наметить несколько основных направлений. В числе важнейших направлений, наряду с правовой, психолого-педагогической и богословско-философской подготовкой сотрудников УИС к ресоциализации лиц, осужденных за религиозный экстремизм и терроризм, а также профилактики религиозного экстремизма и терроризма в местах лишения свободы, можно назвать и условия содержания религиозных экстремистов и террористов [9, с. 17-19].

По данным не только европейских, но и исследователей США, а также нашей страны, именно тюрьмы являются одним из самых благоприятных мест для вербовки неопитов. Отнюдь не случайно, по образному выражению сотрудников УИС, в местах лишения свободы наряду с так называемыми «красными» и «черными» зонами появились и «зеленые» (по аналогии с зеленым цветом знамен «ислама») [12].

Как условия содержания, так и сама социальная среда в местах лишения свободы весьма благоприятны для вербовочной деятельности, прежде всего, благодаря контингенту, содержащемуся в нем. Ибо в местах лишения свободы немало людей, считающих себя незаслуженно осужденными и обиженными, униженными и оскорбленными обществом, властью и социальным устройством страны. При этом осужденных привлекает не только идейно-идеологическая и духовная составляющая адептов того или иного экстремистского вероучения, но и то, что им предлагается сразу же стать членами, по их представлениям, единого мощного «духовного братства», где существуют взаимовыручка и взаимная поддержка, четкий порядок и справедливость [10, с. 15-18]. Причем, справедливость не по человеческому разумению, а по Божественному закону, данному в Священных Писаниях.

Новообращенных (неопитов) не может не привлекать также то, что их не оставят в беде, что им всегда и везде будет оказано покровительство со стороны сподвижников по вере, что им будет обеспечена моральная и материальная поддержка и защита организации. Причем, не только в местах лишения свободы, что важно само по себе, но и за ее пределами, где царит, как им показывают их «духовные учителя и наставники», бесперспективность и безысходность существования. Ибо люди (прежде всего, представители власти) отошли от исполнения Божьих заповедей, погрязли в



## Impact Factor:

<b>ISRA (India)</b> = 1.344	<b>SIS (USA)</b> = 0.912	<b>ICV (Poland)</b> = 6.630
<b>ISI (Dubai, UAE)</b> = 0.829	<b>ПИИЦ (Russia)</b> = 0.207	<b>PIF (India)</b> = 1.940
<b>GIF (Australia)</b> = 0.564	<b>ESJI (KZ)</b> = 3.860	<b>IBI (India)</b> = 4.260
<b>JIF</b> = 1.500	<b>SJIF (Morocco)</b> = 2.031	

беззаконии, коррупции, лжи, предательстве, безнравственности, наркомании и во многих других грехах, о которых предрекали Священные Писания и с которыми призывали бороться, не щадя свои жизни.

В силу того, что именно в местах лишения свободы сосредотачиваются лица, осужденные за религиозный экстремизм и терроризм, при том, что в нашей стране все еще отсутствует научно-обоснованная идеологическая, мировоззренческая и психолого-педагогическая система противодействия религиозному экстремизму, то сегодня именно пенитенциарная система оказалась на переднем крае борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом [11]. Более того, поскольку агитационная и вербовочная деятельность религиозных экстремистов не прекращается и в местах лишения свободы, то именно пенитенциарная система сегодня вынуждена впервые в стране активно разрабатывать методы и способы противодействия деятельности религиозных экстремистов.

Для пенитенциарной системы эта проблема приобретает тем большую актуальность, что мнение о лицах, осужденных за экстремистскую деятельность в религиозной сфере, как об «обычных уголовных преступниках» с соответствующим отношением к ним со стороны сотрудников УИС, как показывает практика, себя не оправдывает. Поскольку пенитенциарная система имеет дело, во-первых, с идеологическими преступниками, готовыми за свои убеждения встать на путь вооруженной борьбы и отдать за них свои жизни; во-вторых, с людьми, имеющими четкие антиконституционные цели и продуманную систему идеологической работы с массами с помощью самых современных методов и средств; в-третьих, имеет дело не с одиночками экстремистами и террористами, а с лицами, входящими в хорошо структурированные и законспирированные организации со своими лидерами и идейными (духовными) наставниками, с солидным финансовым обеспечением и широкими международными связями.

Отсюда совершенно определенно следует, что лица, осужденные за религиозный экстремизм и терроризм, должны быть изолированы от остального контингента, пребывающего в местах заключения.

Исламские экстремисты, стремятся подчинить своим идеям весь мусульманский мир и сделать всех мусульман покорными своей воле, ссылаясь на Коран, вернее, к догматическому, одностороннему толкованию этой главной для мусульман священной книги. Отдельные фразы, выхваченные из Корана, однако, вряд ли могут

служить характеристикой всего религиозного направления.

Тем более что в Коране, наряду с изречениями, которые могут интерпретироваться как призывы к насилию, содержатся в обилии призывы к миру, терпению [1, с. 400–401].

Плюрализм взглядов есть реальный показатель характеризующий черты мусульманской догматики и неоднозначный подход ислама к этим проблемам.

Основные предписания, призванные их урегулировать, были сформулированы на основе и джихада, под которым исламская мысль понимает рациональный поиск решений по вопросам, точно неурегулированным в Коране и Сунне.

К этому надо добавить, что имеющиеся в этих основополагающих источниках правила ведения войны или отношения к иноверцам сложились еще в начальный период становления ислама, его остро соперничества с политическими и идейными противниками. Некоторые из этих положений, вырванные из основного исторического контекста, в наше время нередко используются для оправдания проявлений политического экстремизма [1, с. 395].

Факт благоприятствующий использованию религии в качестве прикрытия для осуществления экстремистской, в том числе и террористической деятельности, существование различных противоречий в рамках канонического содержания самих религий (внутренние противоречия). Кроме того, существует множество неточностей и неясностей в формулировании тех или иных религиозных требований, обязанностей, а также и наличие определенных противоречий между различными религиозными верованиями и даже враждебных суждений в адрес других религий (внешние противоречия) [13].

Особую проблему в этом аспекте представляет процесс распространения исламского экстремизма в местах лишения свободы. Причем как отмечает ряд исследователей с одной стороны религия становится одним из факторов создания у человека, отбывающего наказание, состояния душевного равновесия, спокойствия доброжелательности, пробуждения положительных качеств характера и переориентации нравственных ценностей [2, с. 3]. С другой стороны, в силу режима содержания, подчинения определенному распорядку, находясь в изоляции от общества и семьи преступник испытывает психологическую подавленность эмоционально-напряженное состояние, эти условия благоприятствуют деятельности проповедников радикального ислама



## Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.207	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

использующих их как фактор благоприятствующий распространению своих учений и набора новых adeptов.

Показателем также еще один идеологический прием, с успехом используемый в местах лишения свободы, а именно принятие ислама радикального толка для получения защиты и покровительства. Схожая ситуация изначально сложилась в Индии когда ислам стали принимать: «большое число индусов из касты «неприкасаемых». Тем самым они уходят от ограничений, реально существующих для самой низшей индустской касты» [1, с. 388]. В исправительных учреждениях тюремная субкультура также создала особую иерархическую лестницу, многие лица стремятся любой ценой не попасть в систему преступной грации в положении бесправных париев. Существующая мусульманская община в исправительных учреждениях достаточно влиятельна и способна обеспечить защиту своих членов в том числе и для новообращенных, причем ислам признает всех мусульман равноправными вне зависимости от положения которое он занимал ранее.

Данный фактор вкупе с эмоциональной подавленностью, упомянутой выше, с успехом используют проповедники радикального ислама то есть факторы которые успешно можно использовать для ресоциализации осужденного, его перевоспитании посредством позитивного религиозного воздействия, с тем же успехом можно использовать и для его радикализации. Преступник неопит ища защиты в религиозной общине возможно изначально и не разделяет религиозных ценностей и планирует после освобождения (как это неоднократно и случалось) отойти от веры в религиозные идеалы, он просто ищет некоторые бытовые выгоды. Данное обстоятельство обосновывает необходимость контроля со стороны религиозных организаций за действиями лица отбывшего наказание.

Научный интерес представляет в свете сказанного доклад Центра радикализации при Королевском колледже в Лондоне в котором подчеркивается, что преступления и религиозность сегодня тесно взаимосвязаны. Профессор П. Нойманн (P. Neumann), автор доклада высказался следующим образом по этому поводу: «тюрьмы становятся зонами риска радикализации, и это происходит потому, что насилие для гангстерских джихадистов – это больше средство достижения цели, а сама цель, в которой они ищут смысл» [6]. Другими словами, в гражданском обществе радикализация идеологический процесс, направленный на индивида с целью подготовки его к принятию насилия, в исправительных учреждениях в среде

лиц уже преступивших закон необходимо только предоставить им идеологическую поддержку совершения преступлений тем самым дав возможность преступнику оправдать свои противоправные действия, фактически радикальный ислам заочно «отпускает грехи» всем.

Агитационная деятельность проповедников исламистов направлена не только на осужденных-мусульман или осужденных других вероисповеданий их цель также поиск, вербовка и использование в противоправных целях сотрудников и работников УИС. Данные лица дестабилизируют деятельность всей правоохранительной системы, и направлена на подрыв сущности и устоев государства. Именно поэтому приоритетным направлением деятельности сотрудников УИС и священнослужителей работающих в местах лишения свободы, должна стать профилактика экстремизма и терроризма в исправительных учреждениях.

Религиозная догматика обладает весьма эффективными методами воздействия, что успешно используют проповедники исламисты, соответственно имеет смысл позитивному праву взять на вооружение представленные религией возможности воздействия в т.ч. и вопросах исправления, воспитания и ресоциализации осужденных. Предотвращение дальнейшего распространения радикального ислама может быть достигнуто только путем грамотной организации духовно-нравственного воспитания лиц отбывающих наказание [5, с. 12]. Но эта работа должна реализовываться органами государственной власти и проводится под строгим контролем норм позитивного светского законодательства.

Передача функций контроля религиозным организациям недопустима, т.к. может привести к трудно прогнозируемым последствиям.

Авторитетный исследователь мусульманского права профессор Л.Р. Сюкияйнен применительно к догмам ислама полагает, «чтобы владеть всеми возможными способами реализации шариата в российской правовой жизни, в том числе и в области действия диспозитивных норм, требуются знание права и умение использовать предписания законодательства. Для этого в правовом отношении значительно продуктивнее работать над повышением уровня правовой культуры мусульман и их организаций, нежели добиваться законодательного признания норм шариата. Без грамотного в юридическом отношении обращения с позитивным правом закрепление в законе в прямой или косвенной форме указанных норм останется пустой буквой» [3, с. 25]. Эта концепция применима ко всей религиозной



## Impact Factor:

ISRA (India) = 1.344	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.207	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 3.860	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 2.031	

догматике – без грамотного взаимоотношения с позитивном правом, канонические нормы останутся пустой буквой.

### Conclusion

По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

– необходимо посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий выявлять лиц проповедующих радикальный ислам и изолировать их от основной среды осужденных, причем сотрудники должны обладать необходимым уровнем профессиональной подготовки для выявления именно радикального ислама.

– в штатно-должностной список необходимо введение аттестованной должности помощника по религии. Данный сотрудник должен обладать умением сильнейшего идеологического убеждения и феноменальной подготовки, чтобы противостоять проповедникам радикального ислама. Более того в нем должно сочетаться: «знание вероучения, светских дисциплин и российский патриотизм» [1, с. 387].

– особую остроту приобретает наличие иерархии устоявшейся в преступной среде, однако вопрос о ее роли в данном аспекте это тема отдельного исследования.

### References:

1. Dzljev M.I., Izzatdust E.S., Kireev M.P. (2007) *Sovremennyiy terrorizm: sotsialno-politicheskiy oblik protivnika / pod obsch. red. V. V. Gordienko. M., 2007. - 672 p.*
2. Zhezlov N.V., Zaits V.G., Yunusov E.A. (2016) *Institut penitentsiarnyih svyaschenno-sluzhiteley. Istoriya i sovremennost. 2016. p. 53.*
3. Syukiyaynen L.R. (2014) *Sovmestim li shariat s sovremennim rossiyskim pravom? // Pravo. Zhurnal vysshey shkoly ekonomiki. 2014. # 3. p. 4–30.*
4. Sharl R. (1959) *Musulmanskoe pravo : per. s fr. S. I. Volka / pod red. i s predisl. E. A. Belyaeva. M. : Izdatelstvo inostranoy literatury, 1959. 141 p.*
5. Yusupova G.I., Alieva D.A. (2011) *Politizatsiya islama v Dagestane // Islamovedenie. 2011. # 4. p. 9–13.*
6. Yakob Sh. (2016) *Proletarizatsiya dzhihada stala problemoy. Available: <http://inosmi.ru/social/20161014/238019299.html> (Accessed: 16.10.2016).*
7. (2016) *Ofitsialnyiy sayt Prezidenta Rossii. Pozdravlenie Prezidenta RF s prazdnikom Uraza-Bayram. Available: <http://kremlin.ru/events/president/letters/52405> (Accessed: 22.07.2016).*
8. (2016) *Ofitsialnyiy sayt Prezidenta Rossii. «Siriyskaya alternativa»: st. V. Putina. Rezhim dostupa: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/19205> (Accessed: 19.07.2016).*
9. Bagishaev Z.A., Oganessian S.S. (2006) *Glavnoe oruzhie borby s terrorizmom – ideologiya // Predstavitel'naya vlast – XXI vek: zakonodatelstvo, kommentarii, problemy. 2006. # 4. p. 17–19*
10. Oganessian S.S. (2015) *O merah protivodeystviya religioznomu ekstremizmu v ugolovno-ispolnitelnoy sisteme Rossii // Vedomosti ugolovno-ispolnitelnoy sistemy. 2015. # 5 (156). p. 15–18.*
11. Panenkov A.A. (2012) *Ostaetsya li borby s terrorizmom i ego finansirovaniem aktualnoy problemoy v mire? // Voенно-yuridicheskiy zhurnal. 2012. # 6.*
12. Safronov R.O. (2011) *Osobennosti proyavleniya ekstremizma v SShA // Etnoreligioznaya konfliktologiya. 2011. # 1.*
13. (2004) *Zakonodatelnoe regulirovanie protivodeystviya religioznomu ekstremizmu: rossiyskiy i zarubezhnyiy opyt // Analiticheskiy vestnik. Vyip. 15. M., 2004.*

